

Федяева Наталья Дмитриевна, Демченков Сергей Александрович

НЕОЛОГИЗМЫ "НОРМКОР" И "НОРМСТЕР" В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ФЕНОМЕНА НОРМЫ

Статья посвящена проблеме градуируемости, полисемантической и полиоценочности языковой нормы. Показано, что неологизмы "нормкор" и "нормстер", появившиеся в русском языке в 2014 году, актуализируют устойчивые представления о феномене нормы, ранее выявленные одним из авторов работы. Норма осмысливается носителями языка, с одной стороны, как точка отсчёта для измерений, с другой - как измеримая реальность, подлежащая градуированию. На примере указанных неологизмов в статье раскрывается также внутренняя диалектичность категории "норма", которая одновременно содержит и позитивный, и нейтральный, и негативный оценочные компоненты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 163-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'37

Статья посвящена проблеме градуируемости, полисемантической и полиоценочности языковой нормы. Показано, что неологизмы «нормкор» и «нормстер», появившиеся в русском языке в 2014 году, актуализируют устойчивые представления о феномене нормы, ранее выявленные одним из авторов работы. Норма осмысливается носителями языка, с одной стороны, как точка отсчёта для измерений, с другой – как измеримая реальность, подлежащая градуированию. На примере указанных неологизмов в статье раскрывается также внутренняя диалектичность категории «норма», которая одновременно содержит и позитивный, и нейтральный, и негативный оценочные компоненты.

Ключевые слова и фразы: норма; градуальность; семантическая категория; русский язык; нормстер; нормкор; неологизм.

Федяева Наталья Дмитриевна, д. филол. н., доцент
Омский государственный педагогический университет
ndfed@yandex.ru

Демченков Сергей Александрович, к. филол. н., доцент
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
otgu5555@gmail.com

НЕОЛОГИЗМЫ «НОРМКОР» И «НОРМСТЕР» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ФЕНОМЕНА НОРМЫ

Как и любая категория, норма относится к сфере высокой абстракции и, следовательно, к плодам разума. Сами нормативные представления – результат осмысления явлений действительности и их типичных свойств – также имеют умозрительный характер. Такая «удвоенная» абстрактность в сочетании с тем фактом, что норма относится еще и к слабо осознаваемым феноменам, делает ее весьма проблемным объектом изучения.

В лингвистике, помимо широко известного культурно-речевого подхода к норме, развивается направление, которое можно назвать семантическим по той причине, что в его рамках представления о норме рассматриваются как компонент значения разрядов слов и семантических категорий, как некий ориентир, не вполне осознаваемый носителем языка, но необходимый последнему в процессах мировосприятия и языковой концептуализации действительности. Изучение нормы в семантическом ключе представлено в работах, в которых это понятие используется при анализе «сети» семантических категорий русского языка [2; 3; 4; 5; 6; 8; 10]; обобщая наблюдения ученых, можно определить норму как «коллективно-субъективное представление о признаковых характеристиках стереотипа оцениваемого объекта, с которым соотносится реальный признак воспринимаемого предмета» [9, с. 5].

В рамках систематизирующего комплексного описания семантической категории нормы, предпринятого одним из авторов статьи, были, в частности, отобраны лексические единицы русского языка, перспективные для исследования. Разумеется, на первом этапе отбора в список вошли слова с корнем *норм-*: *норма*, *нормальный*, *нормировать*, *нормативный* и т.п. Всего в гнезде было обнаружено 36 единиц, причем касалось, что по полноте его новыми единицами не слишком вероятно. Однако в 2014 году в русском языке появилось два неологизма-англицизма, восходящих к тому же корню, – лексемы *нормкор* и *нормстер*. В статье понятия, стоящие за этими словами, будут рассмотрены как новые свидетельства специфики феномена нормы.

Английские слова *normcore* и *normster* в языке-источнике, как и в заимствовавшем эти единицы русском, используются для обозначения модных тенденций (стилей, направлений). Вообще, мода – чрезвычайно перспективный объект для изучения нормы, сочетающий противоречивые черты: с одной стороны, каждая модная тенденция возникает из желания отличиться от своих предшественниц, в ее основе лежит тезис о специфичности, уникальности, с другой – мода предполагает следование ей, тиражирование некоего стереотипа. Таким образом, в одном феномене сочетаются полюса – шаблон и оригинальность. Заметим, что для настоящей статьи значимы не сами по себе модные тенденции и номинирующие их единицы, а то, что они являются своеобразными верификаторами идей языковедов относительно сущности нормы.

По одной из версий [14], слово *normcore* в английском языке образовано от *normal* «нормальный, обычный» и *hardcore* «1. фанатично преданный, 2. неприкрытый, махровый» (здесь и далее толкование слов дано по: [11]), по другой [12] – от *normal* «нормальный, обычный» и *core* «суть, сущность, сердцевина, ядро». Словарь *Urban Dictionary* толкует *нормкор* как, например, «a subculture based on conscious, artificial adoption of things that are in widespread use, proven to be acceptable, or otherwise inoffensive. Ultra-conformists» (дословно: субкультура, основанная на сознательном, специальном принятии вещей, которые широко распространены, оказались приемлемыми, иначе говоря, безопасными; ультраконформизм) [16]. Обозначенная новой единицей модная тенденция характеризуется выбором непритязательной одежды и стремлением выглядеть «обычно», «как все», не выделяться [14]. Идеологи *нормкора* утверждают, что это больше образ жизни, чем стиль: за выбором повседневных футболок, джинсов, толстовок и т.п. скрывается отказ от индивидуализма (ср. модные советы на тему, как выделиться, подчеркнуть индивидуальность, запомниться и т.п.) в пользу единения с другими людьми, гармонизации отношений с социумом, обретения свободы, «которая не зависит

от уникальности» [12]. При этом, как объясняет своим читателям сайт *Wonderzine*, нормкор отнюдь не означает забвение собственной индивидуальности, а предлагает новый способ ее выражения – «выделяться не выделяясь»: «Одеваясь, как миллионы людей, ты больше не боишься быть как все, потому что на самом деле никто не такой, как все... Нормкор – нормальное здоровое отношение к себе, окружающим и к одежде» [13].

Соотнесем приведенные и подобные им описания нормкора с тем, что благодаря семантическим исследованиям известно о феномене нормы. Так, чрезвычайно показательны обе версии происхождения слова. Первая – «интенсивно нормальный» – отлично вписывается в рассуждения о том, что норма, как и любая другая точка на шкале градации, обладает свойством «растяжимой точечности» [2, с. 233], то есть, как это ни парадоксально, тоже может быть измерена. Простейшим воплощением этого тезиса являются словосочетания прилагательного *нормальный* с многочисленными наречиями меры и степени: *почти, не вполне, вполне, совершенно, абсолютно, более чем* и т.п. *нормальный*; логическим следствием такого положения вещей является и интенсивная нормальность нормкора. Вторая версия состава слова – «нормальная основа» – соответствует идее нормы как точки отсчета, базы, фона, на котором становятся заметны отклонения.

Кроме измеряемости нормы, актуализированной неологизмом, обращает на себя внимание тот факт, что при изложении концепции нормкора оказываются активно работающими семантические формулы, выявленные на разнообразном языковом и речевом материале [1; 7; 9]. Прежде всего, значимым является смысл «как все»: обычное, повседневное, распространенное, массовое и т.п. – это определяющие признаки нормы. Нередко норма понимается и как усредненный параметр, а потому, особенно применительно к человеку, неоригинальный, стереотипный. В описаниях нормкора, как мы видим, делается акцент на том, чтобы, с одной стороны, не подчеркивать индивидуальность посредством одежды, а с другой – реализовать ее этим новым способом. Показательно и то, что такой подход к выбору одежды и такое отношение к себе характеризуются как здоровые (здоровье в данном случае понимается как состояние, в котором возможно полноценное функционирование, признаваемое нормальным в самом позитивном смысле этого слова).

Итак, работа с понятием, обозначенным словом *нормкор*, позволила обнаружить такие важные для семантической теории нормы свойства последней, как измеряемость и полисеманτικότητα; кроме того, получил подтверждение на новом материале и сам перечень значений нормы.

Перейдем ко второму неологизму. При дефиниции значения слова *normster* в *Urban Dictionary* обнаруживается, в частности, тактика отрицания полюсов: «a person that is not quite hipster, not quite normal, the best of both worlds. Person that does not possess the typical qualities of a hipster... and a normal person but has qualities of both. Person that knows hipsters but doesn't fit the typical hipster look. Has more of fashion sense more than a normal but does not try so hard to look like a hipster. A tweener of both worlds. Possess both positive qualities of a hipster and a normal» (буквально: человек, который знает хипстеров, но не вписывается в их типичный вид, имеет большее чувство моды, чем нормальный, но не так старается модно выглядеть, как хипстер, принадлежит обоим мирам, обладает положительными качествами модников и обычных людей) [16]. При знакомстве с этой модной тенденцией оказывается, что она выросла из нормкора, но переросла его, так как «философия нормкора в целом оказалась провальной, но его стилистические фрагменты живут. Потому что удобно – это правда удобно, а вот нормально – это просто скучно. В итоге правда в этом сезоне (*сезоне 2014 года – Н. Ф., С. Д.*) лежит где-то посередине и условно называется “нормстер”» [15]. Далее поясняется, что при выборе одежды нормстер ориентируется на массовые марки, но предпочитает лимитированные коллекции, то есть находит редкое в распространенном [Там же].

Обратимся к семантике нормы. С одной стороны, в сочетании в составе слова своеобразных антиподов – «нормальный» и «модный», а также в толковании через отрицание и сопоставление полюсов обнаруживается понимание нормы как среднего, лишённого крайностей, нейтрального. С другой стороны, «от противного» – из сравнения с нормкором – проскальзывает негативная оценка нормы как чего-то скучного. Наконец, в найденном решении – искать единичное в массовом – проявляются упомянутые выше полисеманτικότητα и полиоценочность нормы. Чрезвычайно интересно и то, как происходит обратимость полюсов: в массовом обнаруживается единичное, уникальное.

Итак, неологизмы *нормкор* и *нормстер*, существование которых в русском языке вряд ли будет продолжительным, показали нам интересными для анализа семантики нормы. Точнее, обращение к этим словам и обозначенным ими модным тенденциям подтвердило ряд значимых тезисов. Так, нашла очередное подтверждение идея множества сложно взаимодействующих смыслов, составляющих концепт нормы, а также сам репертуар смыслов – семантических формул нормы: «обычный порядок», «средняя величина» «необходимое количество», «здоровье», «заведенный порядок» и др. В очередной раз было установлено, что норма, столь важная для процессов градуирования и оценивания, сама является объектом того и другого, причем ассоциирует оценки всех трех основных значений «хорошо – нейтрально – плохо».

Рассмотренные неологизмы как в аспекте формы, так и в аспекте содержания послужили цели верификации ранее сформулированной концепции нормы. Очевидно, что у разных субъектов речи/мысли представления о нормальном могут существенно различаться, однако само наличие этих представлений, выполняемые ими функции, стереотипные смыслы и оценки являются, на наш взгляд, универсальными.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-20.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Воротников Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка. М.: Азбуковник, 2011. 303 с.

5. Ефанова Л. Г. Норма в языковой картине мира русского человека. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 492 с.
6. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения. М.: Прометей, 2012. 294 с.
7. Нефедова Л. А. Явление девиации в лексике современного русского языка. М.: Прометей, 2002. 260 с.
8. Урысон Е. В. Понятие нормы в языке современной семантики (параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и словаре: сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 243-253.
9. Федяева Н. Д. Нормы в пространстве языка. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. 172 с.
10. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л.: Издательство ЛГУ, 1979. 134 с.
11. <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 15.09.2016).
12. <http://www.lookatme.ru/mag/live/dictionary/201453-slovo-nedeli-normkor> (дата обращения: 15.09.2016).
13. <http://www.wonderzine.com/wonderzine/style/style/198265-normcore> (дата обращения: 15.09.2016).
14. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нормкор> (дата обращения: 15.09.2016).
15. <https://snob.ru/selected/entry/81781> (дата обращения: 15.09.2016).
16. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.09.2016).

**THE NEOLOGISMS “NORMCORE” AND “NORMSTER” IN THE RUSSIAN LANGUAGE
AS SPECIFICITY REPRESENTATION OF THE PHENOMENON OF NORM**

Fedyeva Natal'ya Dmitrievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
ndfed@yandex.ru

Demchenkov Sergei Aleksandrovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dostoevsky Omsk State University
omgu5555@gmail.com

The article is devoted to the problem of gradability, polysemanticity and poly-evaluativity of the linguistic norm. It is shown that the neologisms “normcore” and “normster” that appeared in the Russian language in 2014 actualize the strongly held views on the phenomenon of the norm, previously identified by one of the authors of this work. On the one hand, the norm is comprehended by native speakers as a reference point for the measurement, and on the other – as measurable reality, subjected to gradability. By the example of these neologisms the article also reveals the inner dialectics of the category “norm”, which also includes positive, neutral, and negative evaluative components.

Key words and phrases: norm; gradability; semantic category; Russian language; normster; normcore; neologism.

УДК 81'25

В статье предпринимается попытка сопоставительно-переводческого анализа романа Дж. Барнса «Дикобраз», содержащего геральдическую конструкцию интертекстуальности, и его русскоязычной версии, выполненной Е. Храмовым. Впервые исследуются особенности перевода геральдической конструкции интертекстуальности в художественном тексте. Геральдическая конструкция интертекстуальности используется автором художественного произведения для умножения межтекстовых связей с претекстами и, таким образом, создания «многослойности» повествования. Учёт данной конструкции при интерпретации и в процессе перевода помогает передать все смысловые оттенки оригинала.

Ключевые слова и фразы: геральдическая конструкция интертекстуальности; смысловой ряд интертекстуальных включений; интертекстуальный элемент; адаптация; опущение; переводческий комментарий.

Харькова Юлия Владимировна
Башкирский государственный университет
bardas@yandex.ru

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Интертекстуальные включения в художественном тексте могут образовывать сложные текстовые явления, так называемые геральдические конструкции интертекстуальности. Впервые термин «геральдическая конструкция» был использован А. Жидом для объяснения применённой им повествовательной техники в романе «Фальшивомонетки». Понятие было взято писателем из геральдики, где один из способов изображения герба состоит в помещении в центр гербового щита его уменьшенной копии [1, с. 77]. Геральдическая конструкция интертекстуальности была изучена в работах М. В. Ямпольского [13], Д. В. Спиридонова [12], А. З. Атлас [1], Ю. М. Лотмана [5], О. А. Джумайло [4], Л. Е. Муравьевой [11] и некоторых других в русле литературоведения и семиотики, однако особенности перевода геральдических конструкций интертекстуальности до сих пор не рассматривались исследователями, что определяет актуальность и новизну данной статьи. Целью работы является исследование геральдических конструкций интертекстуальности в романе Дж. Барнса «Дикобраз» и анализ сообразности их воспроизведения в тексте его русского перевода. Для достижения поставленной цели необходимо: изучить текст оригинала романа Дж. Барнса и выявить